

В КАФЕ «ТЕТ-А-ТЕТ»

Разговоры с драматургом, ступившим на тропу коммерции

НАРОДНЫЙ суд рассматривал «рядовое» дело: директор кафе хотел уволить своего подчиненного — администратора, — а тот уходит не хотел. Считал, что директор просто невзлюбил его. И недоумевал: за что? Ну, бывало, придерживал столики для «выгодных» клиентов — так не все ли директору равно, кто платит деньги? Ну, случалось, «благословлял» буфетчицу отпускать дефицитный коньяк и шампанское на сторону — так ведь люди просят! И разве кафе, тем более взятое коллективом в аренду, не коммерческое предприятие?

Дело, как часто бывает в подобных случаях, разрешилось уходом администратора «по собственному желанию». И, может быть, не привлекла бы наше внимание эта житейская коллизия, если бы не было само кафе несколько необычным. Более того: если бы не имела «Литературная газета» прямого касательства к его рождению. Напомним: 10 июня 1987 года была опубликована корреспонденция «Зачем литератору кафе?». В ней рассказывалось о замысле известного ленинградского драматурга Генриха Рябкина открыть на родной Петерградской стороне общедоступное кафе.

После публикации в корпункт пришло ехидное письмо — три страницы машинописной копии без подписей (интересно, куда пошли остальные экземпляры?): делать, мол, нечего братьям писателям да и «Литературке» с ними заодно. Другие литераторы за мир борются, Волгу и Ладогу

спасают, а этот в мелкую коммерцию решил удариться, в рестораторы подался!

— Очень хорошо, что такое письмо появилось тогда, — говорит мне сегодня Рябкин. — Был лишний повод сформулировать какие-то очень важные для меня самого мысли. Я глубоко уважаю наших борцов за экологию, за радикальные экономические реформы. Но у каждого свой круг интересов. Тот, кто видел мои пьесы, не мог не заметить, что меня всегда занимало то, что называется «частной жизнью человека». Пренебрежение к этой стороне существования, отношение к ней как к чему-то второстепенному являются, по-моему, источником многих наших бед. Я немало писал об этом, о том, как сделать нашу сферу обслуживания — в частности, общественное питание — лучше. Но всегда точил какой-то червячок: писать, критиковать, рассуждать все-таки легче, чем делать конкретное дело. Любой мог сказать мне: попробуй сам! И я решился на свой эксперимент.

— Ну и как — что же все-таки труднее?

— Не будем сравнивать «напрямую». Вещи и в самом деле несравнимые. Но все-таки: на открытие небольшого кафе (при благоприятном, замечу, отношении ряда ответственных лиц) ушло почти три года. Наверное, две-три пьесы на своем уровне я бы за это время написал. А так — пришлось полностью «отключиться» от литературы. Лишь недавно стал эпизодически возвращаться к письменному столу.

Проект интерьера делали знакомые ребята-реставраторы. Мебель в стиле жакоб, превратившую бывшую парикмахерскую в уютную петербургскую гостиную, по их чертежам изготовили в мастерских «Росмонументалстудии». Мне с самого начала виделся в зале пианист. Причем обязательно хороший, со вкусом. Ведь кафе называется «Тет-а-тет». Столики на двоих. Нужна музыка, поддерживающая атмосферу интимной беседы...

Я предвидел, что столкнусь с определенной системой, с определенными «традициями». И поэтому старался брать побольше людей вне «системы», то есть не работавших ранее в общепите. Были у меня и недавняя ткачиха, и бухгалтер, и медсестра. Как вы уже знаете, от конфликтов это не спасло. Страшно это дело — близость к деньгам. Страшно наблюдать, как у милой девушки из интеллигентной семьи появляется этот хищный блеск в глазах... Кое с кем пришлось расстаться. И всегда «по собственному желанию». Иначе нельзя: КЗОТ! Главный экономический вывод, который я сделал для себя: у дела должен быть хозяин. Социалистический хозяин.

— Как это понимать? Ведь над этой проблемой бьются сейчас лучшие умы — в публицистике, на Съезде депутатов. Нет ли тут противоречия?

— Может быть, и есть. А где их нет! Но он, хозяин, должен обладать всеми хозяйскими правами, кроме права присваивать чужой труд. Он должен иметь право уволить человека,

который ему не подходит. Хотя бы тем, что тот, скажем, хронически опротивел, чем и подрывает авторитет всего предприятия. Я уже не говорю о тех, чьи руки нечисты не буквально, а фигурально.

— Хорошо: вы, так сказать, «человек идеи». А в руках какого-нибудь самодура «хозяйские права» могут и впрямь превратиться в дубинку, в орудие поборов...

— Нужна система договоров. Скажем, на год. Сработались — договор продлевается. Нет — никто ни на кого не в обиде. Но договор или контракт нужен для всех. В том числе и для директора.

— У вас в прихожей висит этаким стеклянный шар, набитый пятерками и трешками...

— Да, а рядом с ним, если помните, объявление: «Наши работники чаевых не берут, если хотите поблагодарить нас, опустите деньги сюда, они пойдут в пользу блокадников и детей-сирот». Это действительно так, и это действует. И прежде всего — на наших работников. Кстати, в стеклянном шаре появляются изредка и доллары. Мы переводим их на счет «АнтиСПИД».

— Значит, иностранцы, все-таки бывают у вас?

— Почему же нет? Только на общих со всеми основаниях, без каких-либо преимуществ: достаточно в городе мест, где они пользуются преимуществами перед советскими людьми. А если ленинградец приведет с собой своего зарубежного гостя — пожалуйте. Бывали забавные случаи: иностранцы, чтобы попасть к нам, прикидывались... советскими людьми и старательно говорили по-русски.

— А нравится у вас зарубежным гостям?

— Поинтересуйтесь в книге отзывы! Восторженные слова написал, на-

пример, Эндрю Уэй из «столицы ресторанов — Нью-Йорка», как назвал он свой город. Сам, между прочим, ресторатор. Довольны бывают французы: одно из наших «коронных» блюд — французский луковый суп. Но самая дорогая для меня запись: «Спасибо за возвращение в Санкт-Петербург».

— Наверное, с продуктами сложно?

— Не без того. Хотя замечу, и самый простой продукт можно использовать по-разному. Черный хлеб, к примеру, можно нарезать кое-как и швырнуть в шербатую миску, а можно поджарить аккуратными ломтиками, подать их теплыми, завернутыми в салфетку — и вызвать всеобщий восторг.

— А предприимчивость? Мне кажется, именно ее не хватает более всего нашему обществу. Как-то, путешествуя на машине по стране, я остановился перекусить в одной из ставропольских станиц. В местной чайной сиротливо стояли блюдечки с обветренными рыбными консервами в томате. А через улицу за плетнями гнулись к земле кусты спелых помидоров, жители торговали ими прямо у ворот. Неужели, подумал я, так трудно перейти улицу и...

— Нельзя! Централизованное снабжение! Более того, если мне нужно на день бутылку-другую свежих сливок для кофе (он у нас подается в трех видах), я должен гнать на базу машину и брать их целую флягу. Все, что лишнее, пусть киснет! Так что, видите, куда как не просто быть хозяином.

— Так что хозяином вы все-таки себя чувствуете? Ощущаете кафе своим?

— Оно мое в том же смысле, в каком и мои пьесы — «мои»: создано в соответствии с моим замыслом. Никаких дивидендов с него я не получаю. Кроме директорской зарплаты. Иста-

ти, молодые повара — выпускники техникума — получают не меньше директора, и это не случайно — так и задумано.

— А как все-таки чувствует себя при этом писатель Рябкин?

— У него наконец прорезалась возможность заниматься и литературной работой: идет работа над мюзиклом. В Академическом театре имени Пушкина — премьера моей пьесы...

— В газете «Ленинградский литератор» заметка о вашем кафе названа «Пир во время чумы»...

— Я упрекнул бы корреспондента в пристрастии к хлестким словечкам, если бы автором этого определения не был... я сам. Я сравниваю обстановку в кафе и обстановку, с которой часто сталкиваешься в городе... Мне ли вам, ленинградцу, объяснять! Именно поэтому каждый из нас должен что-то сделать для родного города!

НА «ФИРМЕННЫХ» салфетках кафе «Тет-а-тет» — два сфинкса, вроде тех, что стоят на набережной Невы, устремив взгляд во взгляд. Так сказать, тет-а-тет. Негромко толкуют за соседним столиком два приятеля — как видно, долго не видавшихся. Беседуют вполголоса о каких-то своих тайнах молодые женщины. Муж и жена — как видно, старые ленинградцы — улыбаются друг другу, вспомнив, наверное, что-то дивное и полужабытое. Горит уютный свет на столах, тихо звучит музыка. Господи, как все просто, как немного, в сущности, человеку нужно и как жестоко мы лишили его этого небольшого! Мне нравятся пьесы Генриха Рябкина. Но и кафе его под названием «Тет-а-тет» — это тоже своего рода произведение искусства.

Илья ФОНЯКОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

ЛЕНИНГРАД